
Леонид Геллер

О зверях и о раях*

Предполагаемый «конец гуманизма» – или даже «конец человека» – толкнул постмодернизм и вслед за ним наше время снова обратить внимание на животных. Подтверждается, что построение образа зверя составляет одну из основных и постоянных функций человеческой культуры. Зверь и «звериность» взяли на себя роль той другости/инакости, без которой немислимо определение человека. Более того, они стали размечать пространство самой человечности. Оппозиция зверь-человек смазывается. Не успев искупить грехов колонизации, человек-завоеватель природы начинает каяться в извечном стремлении подчинить себе мир животных. Борьба за освобождение рабочего класса, угнетенных рас, женщины, ребенка сменяется или оживляется борьбой за права и за эмансипацию животных.

Тем самым (или заодно) обновляются два старых способа понимания зверя: как *предела* человека, – такое понимание устанавливает между ними разрыв, ибо предполагает, что виды пребывают или развиваются внутри пределов, отведенных для каждого из

*Эта статья является измененным вариантом доклада, зачитанного на симпозиуме «СССР, утерянный рай?», который проходил в Сорбонне под руководством проф. Франсиса Конта в ноябре 2006 г.

них; как *двойника-зеркала* человека, – такое понимание склоняет к признанию единства, взаимосвязанности и в итоге – непрерывности живого.

Учения о живом – науки о комплексности (в частности, теории хаоса под видом «синергетики»¹), когнитивные науки (в частности, социобиология²) – поставляют новые модели познания, которые проникают и в литературоведение. Живые существа часто составляют основной объект исследования этих научных дисциплин, дают материал для обобщений, ставят для них идеологические мотивировки.

Радикальное обновление научных парадигм происходит в неизбежной и тесной взаимосвязи с многовековой традицией мысли о живом и о животных. Западная научная и научно-популярная литература отводит значительное место как «естественным историям» животных, так и их историям богословским, философским, эстетическим, социологическим, политическим. На этом фоне и проходят современные дискуссии.

Подобных историй, создающих вместе некую «зоокультурологическую» панораму, недостает в деле изучения русской культуры.

Как правило, за исключением фольклористики и этнографии, животные исследуются локально, от темы к теме. Участники лозаннского проекта³ надеются своей работой дать импульс к более широким и более систематическим исследованиям. В задачу проекта не входит составление одной или нескольких независимых друг от друга естественных историй. Междисциплинарный в своей основе, он направлен на рассмотрение действующих и цирку-

лирующих в русской культуре образов животных, или – пользуясь термином менее расхожим для русскоязычного литературоведения и, быть может, более функциональным – на рассмотрение их *репрезентаций* (т.е. как образов, так и действий, посредством которых образы возникают и *представляются*).

В самом общем виде вопрос ставится так: какими инстанциями, какими способами и с какими намерениями создаются в русской культуре репрезентации животного, зверя, явны ли функции таких репрезентаций, существует ли какая-то русская специфика «зверности»?

Репрезентации возникают с разными целями, в разных областях. Для простоты будем различать социальные институты, занятые прямым вовлечением животных в человеческую среду и их утилизацией (коммерция, армия, техника, медицина, пищевая и другие отрасли легкой промышленности, спорт, цирк и т.д.), и устройства по формированию коллективного отношения к животным, по порождению и распространению их репрезентаций (религия, идеология, наука, искусства и т.д.). Различие во многом условно, но оно отражает нетождество социальной практики и дискурса и позволяет убедиться в наличии тесной обратной связи, объединяющих в одно целое разные инстанции и механизмы.

Выбор и использование животного для пищи или одежды не менее зависят от религии, моды и т.п., чем от технологии или коммерческих соображений. Наука создает и понятийно-экспериментальный аппарат для наблюдений и описаний, и идеологический набор для мотивировки классификаций и таксономий, и средства для технической утилизации зверя. Охота являет собой выгодный промысел, а иногда и целую промышленность, реализует спортивно-игровые запросы части общества, поставяет неисчерпаемый материал всевозможным социальным ритуалам, фантазиям, художественным проекциям.

Исследований *меж- и сверхдисциплинарного* круговорота репрезентаций, форм их обмена, изменений, превращений не хватает не только русистике.

Рассмотрим один из важнейших институтов советской эпохи – модели репрезентации счастливой жизни. В генеалогии этих мо-

¹ См., напр.: *Калан М.* Эстетика как философская наука. СПб.: «Петрополис», 1997; *его же.* Эстетика и синергетика. – В кн.: Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20–21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: «Санкт-Петербургское философское общество», 1999.

² См., напр.: «Вопросы литературы», 2006, № 1.

³ Проект, финансированный Швейцарским национальным фондом. В его рамках прошел Международный симпозиум «Репрезентации животных в русской культуре» (Лозаннский университет, 11–13 января 2007 г.). – *Прим. ред.*

делей обнаруживает себя топика рая, особенно если считать утопию – одну из концептуальных основ советской идеологии – рациональной проекцией, макетом рая.

Не надо смешивать два понимания (две парадигмы) рая. Есть Эдем, рай земной; он полнится животными, сотворенными Богом; их счел и поименовал Адам. Эдем работает как *locus amoenus* – прекрасная природа, лишенная конфликтов, прообраз идиллии. С жизнью в Эдеме связана мечта об универсальном языке, о взаимопонимании между видами, между человеком и животными.

Отметим разницу между миром Эдема и миром *золотого века*: во времена золотого века боги, люди, звери жили вместе, не различаясь между собой; принесение животного в жертву знаменует конец золотого века и позволяет определить человека⁴. В Эдеме же изначально ясна иерархия: Адам повелевает зверям. Разница построения ведет за собой разное функционирование универсального языка: «горизонтальное», общительное, и «вертикальное», повелительное (так, св. Франциск проповедует на понятном для птиц и волков языке, убеждая их возносить хвалу Господу, и звери отвечают ему поведением, выражающим радостное подчинение, но отнюдь не позицию равноправных собеседников).

Другой рай – небесный. Если не считать райских птиц, в нем животных, по-видимому, не будет – так думал, например, Фома Аквинский⁵; стоит сравнить бесчисленные изображения рая до грехопадения, где Адам и Ева окружены животными, с представлениями рая небесного, например на картинах Фра Беато Анджелико.

Любопытно, что классическая, «традиционная» утопия зависит скорее от этой модели, чем от Эдема, она сравнительно немного занимается животными. Например, на знаменитой картине Поля Синьяка «В свете гармонии» («*Au temps d'harmonie*», 1894) на первом плане показан петух с курицей, на заднем – лебеди; других

животных не видно – какой красноречивый контраст по сравнению с традиционными изображениями рая до грехопадения!

Есть, однако, христианско-утопическая традиция, по которой «Вся тварь ждет спасения» (Рим 8: 19–23). С ней связана и одна из линий русской философской и художественной утопии, которая включает заботу о животных (Федоров, Хлебников, Заболоцкий и другие).

Земля и человечество непредставимы без животных (в этом убеждает история Ноева ковчега). Более того, современная точка зрения (так сказать, точка зрения животного) позволяет различить Эдем, полный счастливых животных, где царит человек, и рай животных, свой для каждого вида: «своя воздушная страна улетающих птиц» (у Платонова) или «страна непуганых птиц и зверей» (у Пришвина).

Если человеку дано войти в рай животных, то только тихо, на цыпочках. Цивилизованный человек плохо умеет это делать. Это дается человеку природы, арсеньевскому Дерсу Узала или охотнику Велимира Хлебникова:

Таков Уса-Гали. Белый конь пасется у стоянки. Стая витютней наносится ветром. Лебеди блеснули в голубой синеве неба как край другого мира. Белые стрелеты пасутся на песчаном бугру. Витютни, сидевшие в траве, вдруг срываются и уносятся. Рассказы. Журчит беседа. <...> Гуси переключаются и снова перестраиваются, как темный млечный путь. <...> Урус построил пароходы, урус провел дорогу и не замечает другой степной жизни. Неверный урус, гуар-урус. Если вы прислушивались к голосам диких гусей, не слышали ли вы: «Здравствуй! долженствующие умереть, приветствуют тебя!»⁶

Но иногда и цивилизованному человеку удается проникнуть в «рай животных»; это делает герой пришвинского «Жень-шеня»:

В Певчей долине все было по-прежнему, те же громадные деревья с большими солнечными просветами и поющими птицами.

⁴ Об этом см., напр.: Vidal-Naquet P. Le Chasseur noir: formes de pensée et formes de société dans le monde grec. P: F. Maspero, 1981.

⁵ См., например: Agamben G. L'Ouvert. De l'homme et de l'animal. P: Rivages poche, 2002, pp. 35–39.

⁶ Хлебников В. Охотник Уса-Гали («Троес», 1913). – В кн.: *Его же. Собрание произведений* / Под ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Т. IV. Л.: «Изд-во писателей», 1930, с. 39.

Но когда мы из Певчей долины спустились по древней террасе в частый лес, где живут тенелюбивые травы, я потерялся. <... > И тогда все музыканты, все живые существа Певчей долины заиграли, запели, вся живая тишина раскрылась и позвала: – Говорите, говорите, говорите! Заиграли музыканты Певчей долины, и мы хорошо сговорились между собой⁷.

Как почти всегда у Пришвина, описание природы дается с мистическим оттенком (упоминаются в этом отрывке и молитвы, и яблоня); в дневнике писатель объясняет: «Мы живем в природе и между людьми для согласия. Возможно, мне скажут: “А для какого согласия?” Я отвечу: “Для музыкального преображения мира”».

Такое мистико-творческое отношение к животному и природе, а также поиски некоего универсального языка для разговора с миром определяют модальности русского утопического воображаемого, особенно того его течения, которое ретроспективно зовется «русским космизмом».

Автор двух капитальных трудов по истории экологии в СССР Дуглас Вейнер рассказывает о поражении *эстетической* позиции в борьбе за политическую линию в деле охраны природы и утверждает то, что кажется на первый взгляд очевидным:

...оставаясь во многом зависимыми от классических марксистских воззрений, взгляды сталинской эпохи расходились с ними в ключевых моментах. Несмотря на то, что призыв Бюкона овладеть природой звучал по всей сталинской России, уже не считалось необходимым исследовать законы природы и подчиняться им для того, чтобы добиться этой власти. Более того, в то время как советские философы-марксисты отвергали мысль о раздельном существовании людей и природы, реальная установка сталинской эпохи состояла в противопоставлении людям природы как враждебной силы. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно почитать Горького, Маяковского и других писателей того времени⁸.

⁷ Пришвин М. Жень-шень. – В кн.: *Его же. Сказка о правде*. М.: «Молодая гвардия», 1973, с. 266.

⁸ Weiner D.R. Models of Nature. Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Pittsburg, Penn.: Univ. of Pittsburgh Press, 2000 (1st ed. 1988), p. 234.

Вейнер несколько ошибается эпохой. Действительно, мечта сталинской эпохи – полное подчинение природы. Но если защитники эстетического «внидеологического» подхода потерпели крах, это не означает, что эстетический подход к природе закрыт. «Наша страна и внешне должна быть самой красивой страной в мире» – этот призыв канонизированного Мичурина не менее действителен и так же вписывается в догму, как афоризм о милостях, которых нечего ждать от природы. Т. Лысенко чеканит по-сталински, бессознательно (а может быть, и сознательно) повторяя формулы алхимиков XVII века:

В природе путем изменчивости и естественного отбора могли создаваться и создаются прекраснейшие формы животных и растений. Человек, овладев этим путем, во-первых, сможет творить такие же прекрасные формы в неизмеримо более короткие сроки, а во-вторых, сможет создать и такие формы, каких не было и какие не могли появиться в природе и за миллионы лет⁹.

Ландшафт и животные упорядочиваются для явления миру красоты; красота спасет мир, твердят по-своему Лысенко и вслед за ним советская литература; Вадим Сафонов в книге «Земля в цвету», получившей Сталинскую премию 1949 г., уверяет:

Передельвается природа, изменяется климат. <...> В сущности, к 1965 году будет создан новый колоссальный материк, с другими естественными особенностями и законами, с невиданным ландшафтом, со своими очертаниями воды и суши, лесов и полей, населенный новой фауной и флорой. Великий радостный континент изобилия...¹⁰

Итак, СССР – Земля в цвету, новый материк счастья и усовершенствованной эволюции. Легко сказать, что в этих мечтах нет содержания, что тут налицо чистая риторика; эти мечты не менее осмысленны, чем революционный космизм. В них дан федоровско-конструктивистский проект преображения мира, смягчен-

⁹ Лысенко Т.Д. Доклад на сессии ВАСХНИЛ 1936 г. – Цит. по: Сафонов В. Первооткрыватели. М.: «Молодая гвардия», 1952, с. 115.

¹⁰ Сафонов В. Указ. соч., с. 224.

ный по-ждановски «изящной» формой. Планетарный масштаб этого проекта не мешает литературе одновременно прибегать и к локальному топосу (*locus amoenus*) – идиллическому месту, саду посреди заводского пространства (как это и предвидел Олеша в «Вишневой косточке»).

Все это, конечно, известно. Менее очевидно, что лысенковская утопия оставляет место и для утопии хлебниковско-пришвинского типа: для мечты о рае животных, о девственной природе как абсолютной красоте. Вопреки Вейнеру, эта утопия оплодотворяет целый литературный регион: советская охотничья литература.

Среди охотников-натуралистов Пришвин, Паустовский, Соколов-Микитов, Бианки принадлежали к наиболее печатавшимся советским писателям; существовал второй эшелон, начиная с фигур, бывших одно время на виду, вроде Ивана Арамилева и кончая писателями районной известности. В этой литературе сохранились черты, которых не могло уже быть в литературе «главного потока» соцреализма.

И прежде всего сохранялось особое умение видеть; Мандельштам восхищался «колоссальной тренировкой аналитического зрения» в стиле Дарвина.

Именно тренировка письма-взгляда отличает в большей или меньшей степени писателей-охотников. Но есть у них и другое. Есть повествование от первого лица личного героя – ждановская нарративная «эпическая» конвенция, за исключением мемуарных жанров, вытеснила «гомодиегетического» рассказчика от первого лица¹¹. Есть встреча с древней традицией, встреча с древней загадкой своей биологии: «Точно занавес сказочного театра, как волшебное покрывало раздвигается впереди куст. Одно мгновение я вижу все страшное чудовище...». Это из Соколова-Микитова¹².

¹¹ Ср. статистику форм повествования от первого и третьего лица в литературном корпусе журналов ждановской эпохи: *Baudin A., Heller L. Usages à l'intérieur, images à exporter. Le réalisme socialiste soviétique de la période jdanovienne (1947–1953)*. Bern: Peter Lang, 1995, pp. 108–110, 116.

¹² *Соколов-Микитов И.* На пробужденной земле. М.: «Гос. изд-во географ. лит-ры», 1951, с. 237.

Пожалуй, только в рассказах об охоте (и о животных) можно было в то время найти похвалу одиночеству, похвалу связи с миром помимо социума и идеологии.

Не все, конечно, но многие писатели-натуралисты думали, как Пришвин:

Внешней обыкновенной охотой я скрываю, оправдываю в глазах всех мою внутреннюю охоту. Я охотник за собственной душой, которую нахожу, узнаю то в еловых молодых шишках, то в белке, то в папоротнике, на который через лесное окошко упал солнечный луч, то на поляне, сплошь покрытой цветами¹³.

Мир охоты, мир животных утверждается как место робинзонады, место приключений и тела и души.

Но мир зверей – это и мир детей. И потому, что дети и звери якобы близки по статусу их преимущественно инстинктивного бытия, и согласно ритуалу стадийного – как бы филогенетического – формирования детского сознания. Как в конце золотого века, когда жертва животного позволила определиться человеку.

Любовь к животным вписана в советскую систему воспитания; даже когда об этом не сказано прямо, это подразумевается, показывается. Не случайно названные выше писатели принадлежат к корифеям советской детской литературы (потому, кстати, и мало исследуются специалистами). Замечательно то, что в детской литературе больше, чем во «взрослой», соблюдается некая непрерывность эволюции, писателям-натуралистам была отведена экологическая ниша (или они отвоёвывали ее для себя, и смогли пережить бури Великих Переломов). Не здесь ли причина того, что детскую литературу можно считать одним из немногих масштабных достижений культуры советского времени? Подчеркну, что она может служить увеличительным стеклом для анализа общих вопросов культурного контекста¹⁴.

¹³ *Пришвин М.* Сказка о правде, с. 345.

¹⁴ Благодаря г-на Эдуарда Надточия, автора работ о повестях Носова и «Повести о зоопарке» Н. Шклера, который обратил мое внимание на этот интереснейший материал.

Обращенные к будущему и к счастью, многие детские вещи дают в наглядном виде проблемы, темы, мотивы утопизации мира. Так, в «Крокодиле» Чуковского ясно выражена проблематика нового Эдема. Все помнят, как изгнанный из Петрограда Крокодил повел за собой всех зверей Африки для освобождения страдающих в зоопарке братьев и как после борьбы (ее картины явно повлияли на Булгаковские «Роковые яйца») и победы над зверями герой Ваня Васильчиков дарует всем вечный мир (сравним с Заболоцким в «Торжестве земледелия»):

Волки Ванюше пекут пироги,	Один старик, сидя в овраге
Кролики чистят ему сапоги.	Объясняет философию собаке
По вечерам быстроглазая Серна	Другой – также царь и бог
Ване и Лале читает Жюль Верна	Земледельческих орудий
.....
.....	тихо составляет
Вон, погляди, по Неве по реке	Идею точных молотилок,
Волк и Ягненок плывут в челноке.	И коровам объясняет...
(Чуковский)	(Заболоцкий)

У Чуковского звери соглашаются мирно служить людям; у Заболоцкого – люди передают зверям свои знания. Это разница между утопическими типами, о которых говорилось в начале доклада, между моделью Эдема, где животные дружили между собой и мирно повиновались человеку, и моделью золотого века, где каждый мог быть богом или зверем.

Городские образы Эдема и золотого века варьируются в *зоопарках* (принцип сада, но и выставки, где животные как бы разоблачены для показа и изучения в их естественном быту) и в *цирках* (модель утопической мастерской, принцип сотрудничества, партнерства в искусстве¹⁴). И то и другое – формирующие опыты не только для детей, и не только для художников авангарда. Посеще-

¹⁴ См.: Геллер Л. Собачье счастье, или Нестерпимая тяжесть утопии. О «Капитанке» Чехова. – В кн.: Modernités russes 5. Le bonheur dans la modernité / Sous la dir. de J.-C. Lanne. Lyon: Centre André Hirondele – Université Jean-Moulin, 2004.

ние зоопарка и цирка (и, разумеется, парка культуры и отдыха – но тут мы говорим о животных) составляет один из важных моментов ознакомления с современной цивилизацией.

Зоопарк же одновременно и практический урок дарвинизма и урок антропогенеза (урок, который в индивидуальном порядке получить было трудно: держать дома животных долгое время считалось пережитком буржуазии).

Поучительно проследить, как, скажем, в энциклопедии советской жизни, составленной Борисом Житковым под видом рассказа о путешествии пятилетнего мальчика («Что я видел», 1938), сопоставляется зоопарк и колхозный скотный двор с одомашненными животными. В зоопарке происходит введение в разнородность жизни, показ ее странностей и опасностей, там чуть ли не все звери могут ударить лапой, рогами, клювом и убить человека (особенно маленького человека). Идиллическим же *Iocus atænis* становится колхоз.

Интересно, что в детских идиллиях не перестает действовать классическое напоминание о смерти: *et in Arcadia ego*; чуть ли не чаще, чем во взрослой литературе смерть врывается в описания жизни животных. Даже в инкубаторе, построенном маленькими героями Носова, умирают задохлики, невylупившиеся цыплята. И если некоторые звери достойны любви и труда, то других ждет уничтожение: волков, сусликов, тех, кто посягает на народное достояние. «В этом году наш пионерский отряд уничтожил полторы тысячи сусликов», с гордостью пишут из колхоза Коле Синицину¹⁵.

Итак, разговор о животных позволил нам убедиться в том, что парадигмы советской (прометейской) утопии сильно связаны с парадигмами рая, Эдема, золотого века; это постоянные механизмы советской культуры, причем они работают не поочередно (подобно тому как чередуются культуры 1–2, согласно схеме В. Паперного¹⁶), а одновременно и в режиме состязания.

¹⁵ Носов Ник. Дневник Коли Синицины. – В кн.: *Его же*. Повести. Мурманск: «Мурманское книж. изд-во», 1978, с. 127.

¹⁶ См.: Паперный В. Культура Два. Анн Арбор: «Ардис», 1985 (М.: «НЛО», 1996).

Эти механизмы сегодня перестали действовать; но они напоминают о себе, и память о них, как память о всяком фантазматическом потерянном рае или золотом веке, вызывает ностальгию – то по активизму, то по чувству свободы, возникающему в краткие, но тем более ценные моменты ухода в природу, то по радости полного общения и взаимопонимания.

Дмитрий Торшилов

Рыбы Кратета

...без пафоса, но с кока-колой, детскими игрушками, кроватками, унитазами, со всеми теми вещами, которые составляют дух современной философии.

О. Аронсон

В золотом веке люди не работали. Земля приносила необходимые им плоды *сама собой*, αὐτομάτη, в достатке и изобилии (Гесиод, «Труды и дни», 118). «Αὐτομάτος» (лат. sua sponte) может означать «по своей воле», о чем, если верить Шантрелю, свидетельствует этимология. «Αὐτομάτος» говорят о росте растений, о течении реки или о роднике (в Аргосе был ключ *Автомата*¹), который бьет *сам собой*. «Αὐτομάτος», наше «спонтанно» или «своим ходом», можно сказать о человеке, пришедшем без предварительной договоренности или оказавшемся здесь случайно. Субстантивированное τὸ αὐτομάτων, слившееся даже в разговорное ταῦτομάτων, означает случайность и преимущественно счастливую случайность, благоприятный ход вещей: коринфянин Тимолеонт, уничтожив в Сиракузах тиранию, построил для граждан святилище Автоматии, *Счастливого хода вещей (помимо всяких тиранов)*. Тимолеонт почитал Автоматию вместе с посылающим удачу и благополучие Ἄγασθς Δαίμων (Благим Демоном, если переводить на традиционный русский, а на самом деле просто *хорошей [сверхъестественной] силой*). Эту *хорошую [сверхъестественную] силу* никогда не

¹ См.: Callim. fr. 62 Pfeiffer.